

Вячеслав Гусев

Шаг до развода

A young woman with dark hair tied back in a ponytail is standing in a kitchen, looking out a window. She is holding a white tissue to her face and crying. The scene is lit with warm, golden light from the window, suggesting late afternoon or early morning. The kitchen counter in the foreground has a wooden cutting board and a black pot on a gas stove.

Вячеслав Гусев
Шаг до развода

«Автор»

2026

Гусев В.

Шаг до развода / В. Гусев — «Автор», 2026

«Год. Всего один год по правилам психолога — и мы либо разведёмся, либо...» Анна не договорила. Максим хмуро кивнул. Что будет, если два совершенно разных человека — рациональный архитектор и спонтанная фотограф — попробуют «починить» брак по инструкции? Задания, которые ставят их в тупик. Ссоры, после которых кажется, что всё кончено. И один неожиданный вывод: может, их различия — не проблема, а шанс?

Содержание

Глава 1. «Брачный эксперимент начинается»	5
Глава 2. «Правила совместного выживания»	8
Глава 3. «Фотосессия по принуждению»	10
Глава 4. «Разговор по душам (почти)»	12
Глава 5. «Ремонт как метафора отношений»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вячеслав Гусев

Шаг до развода

Глава 1. «Брачный эксперимент начинается»

Я открыл дверь и уставился на конверт с официальной печатью. Курьер уже спускался по лестнице, а я стоял, держа в руках повестку, и пытался понять, не сплю ли я. В голове крутилась одна мысль: «Это какой то розыгрыш».

Солнечный луч пробился сквозь щель в занавесках и лёг на паркет, высветив пылинки, танцующие в воздухе. Я провёл пальцем по сургучной печати — она была настоящей. Сердце пропустило удар.

«Год на пробу», — гласила бумага. — «Обязательное совместное проживание, консультации у психолога, выполнение заданий на сближение».

Я рассмеялся — громко, почти истерично. Звук эхом разнёсся по пустой квартире.

— Серьёзно? — сказал я вслух, хотя в квартире был один. — Они решили, что можно заставить людей любить друг друга через суд?

За окном щебетали птицы, солнце светило так, будто мир был идеален. А я стоял с этой бумажкой и думал: «Ну что, Макс, вот и началось твоё приключение. Год ада в компании женщины, которая сбежала через двое суток после свадьбы».

Пальцы невольно сжали бумагу, сминая край. Я подошёл к окну, оперся на подоконник и уставился вдаль. Внизу шумела улица: гудели машины, перекликались пешеходы, где то играла музыка. Жизнь шла своим чередом, а у меня будто выдернули почву из под ног.

«Год? Да я за неделю сойду с ума!» — пронеслось в голове.

Я развернул повестку, вчитываясь в каждую строчку в надежде найти опечатку, какой нибудь юридический казус, который позволит отвертеться. Но текст был чётким, сухим, без единой лазейки.

В висках застучало. Я провёл рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями. План на ближайшие полгода летел в тартарары: командировка в Питер, выставка современного дизайна, отпуск на море... Всё это теперь под вопросом.

«Ладно, — подумал я, — сначала разберёмся, что это за программа такая. Должен же быть какой то способ её обойти».

Достал телефон, открыл контакты и быстро нашёл номер знакомого юриста. Пальцы замерли над экраном — нет, сначала надо узнать детали. Я пролистал список дальше и остановился на записи «Психолог семейной программы (по направлению суда)».

Нажал вызов.

— Алло, здравствуйте, — произнёс я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я получил повестку о включении в программу «Год на пробу». Мне нужно срочно попасть на консультацию... Да, сегодня, если возможно.

Кабинет психолога напоминал декорации к сериалу про умных докторов: книжные полки, глобус, картина с абстрактным рисунком. На подоконнике стояли горшки с фикусами — их глянцевые листья ловили блики послеполуденного солнца. В воздухе витал слабый запах лавандового ароматизатора, слишком приторный, чтобы быть естественным.

Сам доктор сидел за столом, сложив руки домиком, и смотрел на меня с таким видом, будто я был любопытным экспонатом. Его очки в тонкой оправе поблёскивали, скрывая выражение глаз.

— Итак, Максим, — начал он, — программа рассчитана на год. Вы с супругой будете жить под одной крышей, еженедельно посещать меня и выполнять задания, направленные на сближение.

Я хмыкнул, откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди:

— То есть вы хотите, чтобы мы сыграли в счастливую семью по расписанию?

— Не сыграли, — спокойно поправил он. — Научились видеть друг в друге то, что не заметили в медовый месяц.

Я провёл ладонью по лицу, пытаюсь сдержать очередной сарказм. За окном гудел город, доносились обрывки чьих то разговоров — жизнь шла своим чередом, а я сидел тут и слушал эту абсурдную лекцию.

— А если мы просто ненавидим друг друга? — спросил я, глядя ему прямо в глаза.

— Тогда это будет интересный вызов, — улыбнулся он. — Программа не предполагает, что вы сразу станете лучшими друзьями. Она даёт инструменты, чтобы научиться взаимодействовать даже в сложных условиях.

Я вздохнул. Интересно, он сам верит в эту чушь?

Психолог открыл папку, достал несколько листов и протянул мне:

— Ознакомьтесь с правилами. Здесь расписаны основные требования, график консультаций и принципы выполнения заданий.

Я взял бумаги, пробежал глазами по строчкам. Всё выглядело до тошноты официально: пункты, подпункты, сноски.

— Ваша задача не просто прожить год вместе, — продолжил доктор, — а научиться видеть друг в друге не оппонента, а партнёра.

«Партнёра? Да мы даже ужин приготовить вместе не сможем без скандала!» — пронеслось у меня в голове.

— И что, это всё? Сидим, беседуем, выполняем задания? — уточнил я.

— В целом да, — кивнул психолог. — Первое задание я дам вам сегодня. Оно простое: приготовьте совместный ужин. Не просто поешьте вместе, а именно приготовьте — распределите роли, договоритесь, сделайте это командой.

Я сжал челюсти. Мысленно представил, как мы с Анной стоим у плиты и спорим, сколько соли добавить в соус. Картина вышла настолько живой, что я едва не рассмеялся вслух.

— Хорошо, — произнёс я сухо. — Понял.

Вышел из кабинета, достал телефон и набрал номер Анны.

— У нас первое задание, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. — Приготовь чтонибудь к семи.

Я вошёл в квартиру и замер. В коридоре стояли два огромных чемодана, а Анна складывала в сумку фотоаппарат. Её волосы были собраны в небрежный хвост, несколько прядей выбились и падали на лицо. Она не заметила моего прихода, сосредоточенно застёгивая молнию на чехле для объективов.

Воздух в квартире казался гуще обычного — смесь запаха свежей выпечки из соседней квартиры и чего то терпкого, что я не мог определить. Я поставил портфель на тумбу, и этот звук заставил Анну обернуться.

— Ты что делаешь? — спросил я.

Она выпрямилась, поправила рукав свитера и посмотрела мне прямо в глаза:

— Переезжаю, — не оборачиваясь, ответила она. — В гостевую комнату. Так будет проще.

— Проще для кого? — я сделал шаг вперёд, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Мы что, в детском саду? «Ты спишь здесь, я сплю там»?

Анна вздохнула, провела рукой по волосам и наконец повернулась ко мне полностью:

— Макс, нам надо прожить год вместе. Если мы будем дышать друг другу в затылок, через месяц поубиваем друг друга.

Я хотел возразить, напомнить ей, как она сама настаивала на раздельном отдыхе ещё месяц назад, но слова застряли в горле. Вместо этого я достал монетку из кармана джинсов и подбросил её в воздух:

— Орёл — диван в гостиной, решка — гостевая комната.

Анна посмотрела на меня, потом на монетку... и вдруг рассмеялась. Не язвительно, не саркастично — искренне. Звук её смеха резанул по нервам, напомнив, как давно я его не слышал.

— Ты невозможный, — покачала она головой. — Ладно, давай без монетки. Я всё равно уже всё перенесла.

Она наклонилась, взялась за ручку чемодана, но вдруг замерла:

— Знаешь, Макс, — произнесла она тише, — если нам действительно придётся прожить этот год вместе, может, попробуем хотя бы не убивать друг друга за ужином?

Я молчал, глядя, как она тянет чемодан в сторону гостевой комнаты. В груди что то ёкнуло — то ли раздражение, то ли странное облегчение.

«Хорошо, ужин, — прокрутил я в голове. — Мы приготовим ужин. И я докажу, что даже в этом мы можем быть командой — пусть и вынужденной».

В кухне что то зашипело — видимо, оставленная на плите сковорода. Анна вздрогнула, бросила на меня быстрый взгляд и поспешила туда. Я остался в коридоре, слушая, как она выключает конфорку, и думая: «Первый день. И уже столько событий. Что же будет дальше?»

Глава 2. «Правила совместного выживания»

Я стоял у плиты, сверяясь с рецептом в телефоне, когда Анна схватила пакет с приправами. Экран смартфона светил мне в лицо, а на заднем плане тихо шипела сковорода — курица уже подрумянивалась по краям.

— Ты что делаешь? — настороженно спросил я, краем глаза заметив её движение.

— Добавляю карри, — невозмутимо ответила она, щедро зачерпывая порошок ложкой. — Без него курица будет пресной.

— В рецепте нет карри! — я попытался отобрать у неё пакет, но она ловко увернулась, рассмеявшись.

— Зато в жизни есть, — она подмигнула. — Иногда можно отступить от инструкций.

Я вздохнул, провёл рукой по лбу, чувствуя, как подступает раздражение. На запястье всё ещё тикали часы — подарок от мамы на 25 летие, которые я носил почти не снимая.

— Знаешь, наш брак похож на эту готовку: я пытаюсь следовать плану, а ты сыплешь карри куда ни попадя, — произнёс я, стараясь, чтобы голос звучал шутливо, но вышло чуть резче, чем хотелось.

Анна поставила пакет на столешницу, скрестила руки на груди и посмотрела на меня с вызовом:

— Может, именно карри нам и не хватало? Чтобы добавить немного вкуса?

Я открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент пакет с солью, стоявший слишком близко к краю, качнулся и опрокинулся. Белые кристаллы рассыпались по столешнице, разлетелись мелкими брызгами.

Мы уставились друг на друга. Соль лежала между нами, как граница, как символ нашего будущего ужина — и, похоже, всего года.

— Похоже, наш брак — это кулинарная катастрофа в прямом эфире, — саркастично заметил я.

Анна фыркнула, потом вдруг рассмеялась — искренне, без злобы.

— Раз уж ты такой мастер планирования, — она кивнула в сторону плиты, — берись за мясо, а я займусь гарниром. Посмотрим, кто кого.

Я сжал губы, стараясь не выдать, что внутри закипает азарт.

— Договорились, — кивнул я. — Но без самодеятельности.

— Без самодеятельности, — повторила она с улыбкой, которая явно говорила: «Как скажешь, шеф».

Я помешивал соус, стараясь не смотреть, как Анна режет овощи. Запах чеснока и розмарина наполнял кухню, смешиваясь с ароматом жареной курицы. Где то вдалеке гудел лифт, а за окном догорал закат, бросая оранжевые блики на стену.

— Слишком крупно, — не выдержал я, когда она бросила в кастрюлю очередной кусок кабачка размером с ладонь.

— Это стиль «деревенский», — парировала она, не поднимая глаз. — В отличие от твоего «архитектурного» — всё по линейке, всё по миллиметру.

Я фыркнул, отвернулся к плите, помешал соус ещё раз. В голове пронеслось: «Ну вот, опять начинается. Почему нельзя просто следовать рецепту?»

Отвлёкся на секунду — и тут же запах гари ударил в нос.

— Твоё мясо горит! — крикнула Анна, указывая на сковороду.

— А твой гарнир, похоже, можно использовать как удобрение! — отозвался я, бросив взгляд на кастрюлю, из которой поднимался слишком резкий запах соли.

Мы замерли над двумя кастрюлями: одна чёрная, другая пересоленная. Анна подняла крышку — из под неё вырвался пар, и она поморщилась.

— Чёрт, — пробормотала она. — Я же просто на глазок...

Я провёл рукой по волосам, чувствуя, как раздражение сменяется усталостью.

— Ладно, — вздохнул я. — План А провалился. План Б: пицца?

Анна кивнула, вытерла руки о фартук и улыбнулась — на этот раз без вызова, почти виновато.

— Пицца. И, может, в следующий раз попробуем слушать друг друга?

Я промолчал, но в душе признал: она права.

Мы быстро убрали беспорядок — я выбросил подгоревшее мясо, Анна слила пересоленный гарнир. Движения были резкими, но не враждебными. Где то в глубине шевелилось странное чувство: будто мы только что прошли первый тест на совместимость, и хоть провалили его, но хотя бы не поубивали друг друга.

— Я закажу, — сказал я, доставая телефон. — Пепперони?

— С грибами, — добавила Анна. — И ананасы.

— Ананасы? — я поднял бровь. — Серьёзно?

— Да, — она засмеялась. — Это мой вклад в примирение.

Мы сидели на диване, смотрели какой то боевик, но я почти не следил за сюжетом. На коленях стояла тарелка с остатками пиццы, в руке — банка газировки, холодная и слегка запотевшая. В комнате горел только торшер в углу, отбрасывая мягкий жёлтый свет на стены.

Краем глаза я видел, как Анна улыбается — не в камеру, не мне, а просто так, будто вспомнила что то хорошее. Её волосы слегка растрепались, на щеке осталось пятнышко от соуса — и вдруг я понял, что она выглядит... по домашнему. Уютно.

«Стоп, — одёрнул я себя. — Это просто пицца, фильм и усталость. Никаких „по домашнему“. Это всего лишь год по суду. Не вздумай привязываться».

Но сердце всё равно ёкнуло, и я поспешно отпил газировки, стараясь скрыть реакцию.

— О чём задумался? — спросила Анна, поворачиваясь ко мне. Её голос прозвучал неожиданно мягко, почти нежно.

— Да так, — я отвёл взгляд, поставил банку на столик. — Просто думаю, что завтра нас ждёт новое задание.

Она приподнялась на локте, поправила плед, который сполз с плеча:

— И какое?

— Фотосессия, — я усмехнулся. — 10 совместных фото в разных локациях. Психолог решил, что нам нужно запечатлеть процесс сближения.

Анна засмеялась — громко, искренне, откинув голову назад.

— Ну что ж, — она вытерла выступившую слезинку, — зато будет что показать внукам: «Вот так мы учились терпеть друг друга».

Я усмехнулся, но внутри уже понимал: этот год будет куда сложнее, чем я думал. И куда интереснее.

На экране герой фильма в очередной раз спасал мир, а мы сидели рядом, почти касаясь плечами. Я чувствовал тепло её тела, слышал ровное дыхание. В груди что то шевелилось — то ли страх, то ли надежда.

— Завтра рано вставать, — сказала Анна, вставая с дивана. — Пойду спать.

— Спокойной ночи, — ответил я, глядя, как она идёт к гостевой комнате.

Дверь закрылась, а я остался сидеть, слушая, как затихают её шаги. В голове крутилась одна мысль: «Совместные фото? Это будет ещё веселее, чем готовка...»

Глава 3. «Фотосессия по принуждению»

Я сидел с чашкой кофе, вслушиваясь в утренние звуки города за окном: гудки машин, далёкий гул метро, голоса прохожих. Солнце пробивалось сквозь шторы, рисуя на полу светлые полосы. Кофе пах корицей — Анна накануне купила новую смесь.

Она вошла в гостиную с фотоаппаратом на шее, и я сразу почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Готов к фотосессии? — её глаза горели азартом, а пальцы нервно теребили ремешок камеры.

Я поморщился, сделал глоток кофе и поставил чашку чуть громче, чем нужно:

— Ты серьёзно? Десять фото? Это же пытка.

— Это творчество! — она махнула рукой, и объектив блеснул в солнечном луче. — И потом, разве ты не хочешь показать психологу, что мы — отличная пара?

Я усмехнулся, провёл рукой по волосам:

— Психолог и так знает, что мы отличная пара... в плане того, как хорошо умеем друг друга бесить.

Анна рассмеялась, подошла ближе и поправила воротник моей рубашки — неожиданно мягко, почти нежно.

— Ну, сегодня будем учиться не бесить. Начнём с балкона — там красивый вид.

Я встал, неохотно потягиваясь, чувствуя, как напряжение в плечах не хочет отпустить:

— Ладно, диктатор с объективом. Но если я буду выглядеть глупо, винить будешь только себя.

Она подмигнула, щёлкнула затвором вхолостую:

— Глупо ты выглядишь только когда пытаешься всё контролировать. А так — очень даже ничего.

«Контролировать, — пронеслось в голове. — Да я просто хочу, чтобы всё шло по плану. Разве это преступление?»

Но вместо этого я лишь вздохнул и направился к балкону.

— Отлично, — объявила Анна, выходя следом и настраивая объектив. — Первое фото: «Муж, которого ведут на казнь».

Я изобразил мученическую улыбку:

— Очень смешно. Давай уже.

— Поза серьёзная, взгляд вдаль, — командовала она. — Представь, что там, за горизонтом, свобода.

Я посмотрел в указанном направлении, стараясь не улыбаться. В груди что то ёкнуло — то ли раздражение, то ли странное предвкушение.

— Готово! — воскликнула Анна. — Идеально. Теперь — в центр. Там много интересных мест. Если хочешь, чтобы этот год прошёл быстрее, давай сделаем это весело.

Я вздохнул, взял куртку:

— Ладно, диктатор с объективом. Веди.

Мы шли по центру города, и Анна то и дело останавливалась, чтобы сфотографировать чтонибудь: старинную вывеску, узор на решётке, тень от дерева. Воздух был наполнен запахами кофе из уличных кафе, свежей выпечки и выхлопных газов.

— Встань вот здесь, — Анна указала на ступеньку у фонтана. — Руки в карманы, взгляд вдаль.

— То есть изображай скуку? — хмыкнул я, послушно вставая на место.

— Изображай загадочность! — поправила она, присаживаясь на корточки, чтобы поймать нужный ракурс.

Я сунул руки в карманы и уставился на голубей, которые кружили над фонтаном. Вода журчала, капли сверкали на солнце.

— Теперь улыбнись, как будто ты счастлив, — скомандовала Анна.

— Я буду счастлив, когда это закончится, — буркнул я, но всё же растянул губы в улыбке.

— Максим! — она топнула ногой. — Просто попробуй! Представь чтонибудь хорошее.

В этот момент мимо прошла старушка с сумкой продуктов, улыбнулась и сказала:

— Какой милый спор! Сразу видно — влюблены друг в друга.

Мы с Анной переглянулись — и вдруг расхохотались. Искренне, без сарказма, без напряжения.

— Видишь? — сказала она, вытирая слезинку. — Даже посторонние это замечают.

— Может, они просто плохо видят? — парировал я, но уже без злости. Внутри что то отпустило.

— А теперь — парк, — она взяла меня за рукав. — Там точно найдём что то спонтанное.

Я кивнул:

— Ладно. Но только если пообещаешь не ставить меня на колени перед цветами.

Анна засмеялась:

— Обещаю. Хотя идея неплохая...

В парке было тихо и прохладно — деревья создавали тень, а ветерок доносил запах свежескошенной травы. Мы сели на скамейку в тени раскидистого дуба, достали бутерброды, которые Анна предусмотрительно упаковала утром.

— Последний кадр здесь, — сказала она, доставая фотоаппарат. — Что то непринуждённое. Чтобы психолог увидел: мы можем быть естественными.

Я вздохнул, откусил бутерброд и посмотрел на неё:

— Непринуждённое — это когда я дома с книгой. Но ладно, давай. Что нужно делать?

— Просто будь собой, — улыбнулась она. — Поговори со мной. Расскажи, что думаешь о всей этой программе.

Я хотел было съязвить, но в этот момент голубь, явно опытный грабитель, выхватил бутерброд из рук Анны и взлетел на ветку.

Мы замерли, а потом расхохотались так, что слёзы выступили на глазах. Я показал голубю кулак, а Анна, не переставая смеяться, машинально нажала на спуск — и поймала момент: мы смеёмся, я хмурюсь на птицу, она вытирает слёзы.

— Вот оно, — выдохнула она, показывая экран фотоаппарата. — Настоящее. Без поз и масок. Может, в этом и есть смысл нашей программы?

Я посмотрел на фото. И впервые за долгое время не нашёл, к чему придраться. Мне было весело. По настоящему.

«Может, она права? — подумал я. — Может, вся проблема в том, что я слишком много планирую и слишком мало живу?»

— Ладно, допустим, одно фото получилось, — сказал я вслух. — Но осталось ещё девять...

Анна хитро улыбнулась:

— О, у меня есть идеи. Например, фотосессия в метро! Или у цирка!

Я застонал, но внутри уже знал: этот день не так плох, как я думал. И, может, год тоже будет не так ужасен.

— Только без акробатики, — предупредил я. — И без голубей в кадре.

— Договорились, — кивнула она. — Но если голубь сам захочет попасть в кадр...

Мы снова засмеялись, и я поймал себя на мысли: «А что, если этот год не станет кошмаром? Что, если мы действительно научимся понимать друг друга?»

Глава 4. «Разговор по душам (почти)»

Мы с Анной сидели напротив психолога, и я чувствовал, как под рубашкой начинает выступать пот. Кабинет был тот же: книжные полки, глобус, картина с абстрактным рисунком. Но сегодня воздух казался гуще, будто пропитанный напряжением. За окном шумел город, но здесь, внутри, время словно замедлилось.

Психолог откинулся на спинку кресла и улыбнулся:

— Теперь давайте попробуем чтонибудь новое. Каждый из вас назовёт три качества партнёра, которые вам нравятся.

Я замер. Три качества? В голове крутилось: «Упрямая», «Непредсказуемая», «Раздражающе оптимистичная» — но это явно не то, что нужно. Я сжал пальцами край стола, пытаюсь собраться с мыслями.

— Ну... — я прокашлялся. — Она... творческая. Очень. И... умеет видеть красоту в мелочах. И...

— Он надёжный, — вдруг чётко сказала Анна. — Даже когда злится или спорит. Умеет принимать решения — это меня всегда восхищало. И у него потрясающее чувство юмора. Пусть он и думает, что это просто сарказм.

Я уставился на неё. Эти слова прозвучали так... искренне. И так неожиданно. В груди что-то дрогнуло, будто кто-то осторожно коснулся старого шрама.

— Видишь? — психолог кивнул мне. — Ваша жена видит в вас много хорошего. Теперь ваша очередь.

Анна посмотрела на меня — спокойно, без вызова, просто ожидая. Я почувствовал, как краснеют уши.

— Я просто не привык говорить такое вслух, — пробормотал я. — Но... ты ещё и... умеешь удивлять. И... ты никогда не сдаёшься, даже когда всё против тебя.

Психолог одобрительно кивнул:

— Отлично. Видите, как это работает? Когда мы фокусируемся на хорошем, отношения начинают меняться.

Выходя из кабинета, Анна заметила:

— Ты мог бы и побольше придумать. Я же старалась!

Я пожал плечами:

— Я просто не привык говорить такие вещи вслух.

Она взяла меня за руку — неожиданно, но мягко:

— А давай попробуем не только на сеансах?

Я кивнул, чувствуя, как внутри всё ещё сопротивляется. Но где-то глубоко, почти незаметно, шевельнулось что-то новое.

Мы шли молча. Я прокручивал в голове слова Анны: «надёжный», «умеет принимать решения», «чувство юмора». Почему она это сказала? Действительно так думает или просто хотела угодить психологу?

Город жил своей жизнью: гудели машины, перекликались пешеходы, где-то играла музыка из открытого окна кафе. Солнце пригревало, и на асфальте уже начали появляться первые тени.

— О чём задумался? — Анна коснулась моего локтя. Её пальцы были тёплыми, почти обжигающими.

— Да так... анализирую, — я машинально поправил рукав рубашки.

Она фыркнула:

— Опять? Максим, иногда можно просто... чувствовать.

Я хотел ответить какойнибудь колкостью, но она вдруг улыбнулась — открыто, без подвоха:

— Давай зайдём в то кафе у парка? Я хочу кофе, а ты явно нуждаешься в чёмто сладком, чтобы не думать слишком много.

Я посмотрел на вывеску. Знакомое место — мы проходили мимо сотни раз, но никогда не заходили. Внутри меня чтото дрогнуло: это было спонтанно, не по плану, и именно поэтому казалось таким правильным.

— Ладно, — неожиданно для себя согласился я. — Но только если там есть шоколадный торт.

— Конечно, есть, — она рассмеялась. — И я даже поделюсь с тобой.

Мы свернули к кафе, и я поймал себя на мысли: «Это первый раз за долгое время, когда я делаю чтото просто потому, что хочу».

Мы сидели у окна, перед нами дымился кофе и лежал кусок шоколадного торта. Солнечный свет падал на стол, рисуя золотистые квадраты. В кафе пахло корицей и свежее испечённым хлебом, а за соседним столиком смеялись две девушки.

— Так о чём ты хотела поговорить? — спросил я, пытаюсь скрыть нервозность. Пальцы невольно теребили салфетку.

— Обо всём, — Анна откинулась на спинку стула, поправила прядь волос. — Давай сегодня без заданий. Просто поговорим. Расскажи чтонибудь из детства. Что тебе запомнилось?

Я задумался. В памяти всплыл пляж, песок, мои неуклюжие замки, которые отец тут же разрушал ногой: «Это не архитектура, Макс. Это просто куча песка». В горле встал ком, но я постарался говорить спокойно:

— Строил замки из песка, — неохотно начал я. — Они всегда получались кривыми. Отец говорил, что это не серьёзно.

Анна слушала, не перебивая. Её глаза были внимательными, без осуждения. Потом она улыбнулась — мягко, понимающе:

— Ты и сейчас их строишь. Только из бетона. И они всё так же прекрасны.

Я поднял глаза. В её взгляде не было насмешки — только понимание. И вдруг стало легче, будто кто-то снял с плеч тяжёлый рюкзак.

— Спасибо, — тихо сказал я.

— Не за что, — она подняла чашку. — За новые разговоры?

— За новые разговоры, — я чокнулся с ней чашкой. Кофе был горячим, сладким, и впервые за долгое время я почувствовал, что могу дышать полной грудью.

— А знаешь, — Анна вдруг прищурилась, и в глазах заиграли озорные искорки. — У меня есть идея. Давай сделаем что-то такое, чего никогда не делали вместе? Например, пойдём на мастер-класс по гончарному делу?

Я внутренне содрогнулся. Гончарное дело? Я же всё испорчу! Но вслух ответил:

— Ну... если ты обещаешь не смеяться, если моя ваза будет похожа на комок глины.

— Обещаю. Но только если ты пообещаешь не критиковать мою.

Мы рассмеялись, и я вдруг понял: этот год может оказаться не таким ужасным, как я думал. Может, мы действительно научимся понимать друг друга — не по заданию психолога, а просто потому, что хотим этого.

Глава 5. «Ремонт как метафора отношений»

Я стоял у раковины, слушая, как капает вода из крана. Капля за каплей — будто отсчитывает секунды до моей неизбежной капитуляции перед бытовой стихией. Вчерашний разговор в кафе ещё звучал в голове: «Давай сделаем чтонибудь новое... гончарное дело...» Но сейчас было не до творчества — кран решил сломаться именно сегодня, будто специально выбрал момент, когда я начал верить, что всё может наладиться.

— Что случилось? — Анна вошла на кухню, вытирая руки полотенцем. Её волосы были собраны в небрежный пучок, несколько прядей выбились и падали на лицо.

— Кран течёт, — буркнул я. — Сейчас разберусь.

Я достал инструменты, положил их на столешницу рядом с раковиной. Запах металла смешался с ароматом вчерашнего кофе, который так и остался в чашке.

Открутил гайку — и в этот момент струя воды ударила мне в лицо. Холодная, резкая, отрезвляющая.

— Отлично, — я вытер капли с очков, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Просто отлично.

Анна подошла, оценивающе посмотрела на вентиль и, не говоря ни слова, пошла к стояку. Через секунду вода перестала течь. Она повернулась ко мне, скрестив руки на груди:

— Ну что, гений планирования, — в её голосе не было злобы, скорее лёгкая насмешка, — теперь будем работать вместе?

Я вздохнул. Признать поражение было неприятно, но выбора не оставалось. В груди что то сжалось — то ли от досады, то ли от неожиданного облегчения.

— Ладно, — пробормотал я, стараясь не смотреть ей в глаза. — Давай попробуем.

Анна достала ящик с инструментами и предложила:

— Раз уж мы начали, давай доделаем как надо. У меня есть знакомый сантехник — он вчера оставил пару советов. Послушаем?

Я скептически приподнял бровь, но кивнул:

— Только если ты не будешь говорить «я же говорила» каждые пять минут.

— Обещаю, — она улыбнулась. — Но если я окажусь права, ты купишь мне шоколадку.

— Договорились, — я невольно улыбнулся в ответ.

Мы склонились над раковиной, разложив инструменты на газете. Анна держала фонарик, освещая место работы, а я пытался разобраться в хитросплетении труб. Воздух наполнился запахом смазки и металла, а за окном шумел город — машины, голоса, далёкие гудки.

— Держи ключ, — Анна протянула мне инструмент. — Только не перетяни — сорвёшь резьбу.

— Я знаю, как работать с резьбой, — проворчал я, но ключ взял. Пальцы слегка дрожали — то ли от напряжения, то ли от привычки работать не в одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.